

ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК

Статьи о жизни и творчестве
Федора Ивановича Тютчева

ТАЛЛИНН «ЭЭСТИ РААМАТ» 1990

О СТИХОТВОРЕНИИ «14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825»
(К проблеме «Тютчев и декабризм»)

А. Л. ОСПОВАТ

Памяти Натана Эйдельмана

1

В ряду автографов Тютчева, которые на рубеже 1874—1875 гг. И. С. Гагарин прислал И. С. Аксакову, находился следующий текст:

14-ое декабря 1825

[5] Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена¹.

[10] О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопит!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

В письме Гагарину от 24 ноября 1874 г. Аксаков датировал это стихотворение 1826 г.²; впервые же оно было опубликовано в 1881 г. в «Русском архиве» с редакторской пометой (П. И. Бартенева?): «Мюнхен. 1827»³. В дальнейшем возобладала «аксаковская» точка зрения — во всех авторитетных современных изданиях указывается, что данный текст написан «в связи с обнародованием приговора по делу декабристов» и, следовательно, датируется второй половиной 1826 г.⁴ Лишь в работах Г. И. Чулкова 1930-х гг., а также в тютчевском собрании, вышедшем под его редакцией, была принята более широкая датировка: 1826—1827 гг.⁵

Осторожность Чулкова представляется вполне оправданной. Сама категоричность, с которой утверждается, что память о декабристах уже предана забвению, как бы подразумевает наличие определенного интервала между вынесением судебного вердикта и моментом написания стихотворения. Комментаторы, придерживающиеся традиционной датировки, в последнее время склонны рассматривать строки 7—8 как актуальный намек на засекреченность места захоронения казненных декабристов⁶, однако эта гипотеза ни на чем не основана. Гораздо вероятнее, что Тютчев, с февраля 1826 г. находившийся за границей, вообще не был в курсе подробностей, относящихся к исполнению приговора, и не задумывался над тем, какие из них держатся в тайне. Равным образом можно предположить, что в течение второй половины 1826 г. он не получал информации и об отношении «народа» к декабристам.

В этой связи заслуживает обсуждения датировка, которую условно назовем «бартеневской». В 1896 г., спустя пятнадцать лет после публикации стихотворения «14-ое декабря 1825», в том же «Русском архиве» печатались дневники В. А. Муханова. В записи от 2 февраля 1856 г. был приведен рассказ декабриста «К.» (С. И. Кривцова), который среди прочего упоминал о восторге, охватившем ярославских простолудинцев при виде партии ссыльных, остановившейся у почтового двора. Данный фрагмент Бартенев сопроводил подстрочным примечанием: ««Есть известие противоположное: именно в Ярославле народ кидал мерзлую грязью в декабристов, что дало повод Ф. И. Тютчеву к стихам: „Народ, чуждаясь вероломства, поносит ваши имена”⁷. Это примечание никогда специально не анализировалось (Г. И. Чулков — единственный, кажется, кто обратил на него внимание⁸, — высказался весьма неопределенно: «Возможно, что подобные разговоры на эту тему в самом деле дали поэту повод для написания стихов, но не в этом обстоятельстве, кстати сказать, сомнительном, суть дела»⁹), между тем оно способно отчасти пролить свет на «бартеневскую» датировку. По всей вероятности, в тот момент, когда стихотворение «14-ое декабря 1825» публиковалось в «Русском архиве», Бартенев, находившийся в тесном контакте с родственниками Тютчева, уже располагал некими сведениями, позволившими ему сделать вывод, что инцидент в Ярославле стал известен поэту в 1827 г.

Здесь надо заметить, что в ближайшее семейное окружение Тютчева входило лицо, которое вполне могло быть свидетелем эпизода, описанного Бартеневым. Имеем в виду Надежду Николаевну Шереметеву — тетку поэта (по отцу) и тещу декабриста И. Д. Якушкина. Свадьба Якушкина и шестнадцатилетней Анастасии Васильевны Шереметевой (младшей дочери Н. Н. Шереметевой) состоялась в ноябре 1822 г., когда Федор Тютчев служил в Мюнхене, но поскольку в зимнее время

Н. Н. Шереметева часто жила у Тютчевых (в Армянском переулке), почти нет сомнений, что Якушкин был знаком с двоюродным братом своей будущей жены¹⁰. После того как Н. Н. Шереметева узнала о начале отправки осужденных декабристов в Сибирь, она вместе с дочерью в начале 1827 г. около четырех месяцев (!) провела в Ярославле, ожидая встречи с Якушкиным¹¹. (Как известно, декабристов этапировали не по Владимирке, «кандалной дороге», но — минуя Москву — по Ярославскому тракту.) Эта поездка оказалась столь же безуспешной, как и следующая (в которой А. В. Якушкину сопровождал М. Я. Чаадаев). Осенью мать и дочь снова отправились в Ярославль, где судьба наконец явила к ним благосклонность: 15—16 октября 1827 г. обе они в последний раз увиделись с Якушкиным¹².

За долгое время, проведенное в Ярославле, Шереметевой довелось многое увидеть и услышать; возможно, среди запомнившихся ей случаев был и тот, о котором позднее упомянул Бартенева. Не сохранилась переписка Тютчева с домашними, относящаяся к целой эпохе его заграничной жизни (1822—1835), поэтому остается только гадать, кто именно, сообщая поэту о ярославском свидании, мог описать эту сцену — его ли родители (со слов очевидицы), сама ли Шереметева или ее сын — Алексей Васильевич Шереметев, находившийся в коротких отношениях с двоюродным братом. При любом варианте мы вправе допустить, что какое-то семейное предание по этому поводу существовало — оно, по-видимому, и наложилось в сознании Бартенева на текст, ставший ему известным в те годы, когда никого из вышеназванных лиц уже не было в живых.

Отдавая себе отчет в гипотетическом характере предложенной реконструкции, обратимся теперь к другого рода данным, свидетельствующим в пользу «бартеневаской» датировки.

Летом 1827 г. исполнялась годовщина со дня объявления приговора декабристам и казни пятерых из них. Эта дата вызвала на размышления — например, именно 16 июля написано стихотворение Пушкина «Арион»¹³, а спустя два месяца он обронил многозначительное замечание в разговоре с А. Н. Вульфом: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая I, и об 14 декабря»¹⁴. Это замечание не только отражает излишний оптимизм Пушкина в оценке ситуации, сложившейся в начале николаевского царствования; как кажется, оно еще указывает и на появление необходимой исторической дистанции, позволявшей реализовать тот подход к событиям 14 декабря, который был заявлен в письме Дельвигу от февраля 1826 г.: «...взглянем на трагедию взглядом Шекспира»¹⁵.

Разумеется, тема декабризма всегда занимала Тютчева го-

раздо в меньшей степени, нежели Пушкина, однако как раз накануне первой годовщины приговора и казни она могла актуализироваться в его сознании. Летом 1827 г., будучи в Париже, Тютчев хотел встретиться с Жуковским¹⁶; если это желание исполнилось, то, вероятно, разговор между ними вошел о А. И. Тургеневе, вместе с которым Жуковский прибыл во французскую столицу, и о Н. И. Тургеневе, чья судьба политического эмигранта являлась тогда главным предметом размышлений его старшего брата и старинного друга¹⁷.

Следует отметить и тот факт, что незадолго до приезда Тютчева в Париж, там вышли путевые письма драматурга и поэта Ж. Ансело «Шесть месяцев в России», в которых затрагивалось множество вопросов (в том числе и запретных для обсуждения в стране, откуда вернулся автор) и попутно давались обобщенные характеристики важнейших сторон национальной жизни¹⁸. Эта книга (вскоре переизданная) не могла пройти мимо внимания Тютчева — тем более, что летом 1827 г. Я. Н. Толстой (его знакомец с 1822 г.¹⁹) выпустил в Париже брошюру, где изобличал Ансело в ошибках²⁰. В книге «Шесть месяцев в России» Тютчева должны были заинтересовать рассуждения о восстании декабристов — едва ли не впервые в европейской печати события 14 декабря получили развернутую (причем не ориентированную на официальную точку зрения русского правительства) характеристику, которая к тому же основывалась на «рассказах беспристрастных свидетелей этого рокового происшествия»²¹.

«Говорят, что все вельможи вооружились во имя свободы? — риторически вопрошал Ансело. — Но разве они не желали этой свободы только для самих себя? Они пытались вырваться из-под власти верховного владыки: но какое дело было народу до этого совершенно аристократического заговора? Разве скипетр тяжело гнетет их? Нет, государственные крестьяне свободны! Должны ли мы поверить, что эти гордые потомки бояр, освободившиеся с помощью убийства от постромков (entraves), связывавших их с тронном Петра I, внезапно обрели себе подобных в рабах, которые достались им в наследство от предков и которых они продают, как скот? Народ этому не поверил, и его бездействие в виду кровавых сцен, свершавшихся на его глазах, доказывает его равнодушие к заговору. Конечно, среди этих аристократических заговорщиков было несколько юношей, вскормленных благородными идеями, слушающихся лишь голоса пылкого воображения, и они мечтали даровать новую участь народу, которому хотели послужить и который их не понимал. Как жестоко, должно быть, они разочаровались, если бы огляделись вокруг! Русский, веками приучаемый к послушанию, не признает государство без верховного владыки; он не станет биться за систему правления; его можно увлечь только именем; его политические взгляды — не

что иное, как привязанности, поэтому вооружить горстку из них оказалось возможным, лишь сыграв на их верности»²² Чуть далее тема «пылких и благородных юношей» продолжена: «Они бросались в бездну революции с пылом воображения, свойственным их возрасту, не подумав о том, что запятнают убийством дело, которому хотят служить; они плохо знали своих сообщников; они плохо понимали народ; побежденные, они станут жертвами; победив, — были бы обмануты»²³. Заключительная сентенция такова: «... я предвижу, что вскоре от заговорщиков останется только память об их талантах, преступлении и горестной судьбе»²⁴.

Как мы постараемся показать ниже, версия об аристократическом заговоре, преследовавшем сугубо корыстные цели, в 1827 г. вряд ли была совершенной новостью для Тютчева, однако, по-видимому, именно в книге «Шесть месяцев в России» он нашел ее достаточно полное изложение (примечательные нюансы, которые есть у Ансело, мы пока оставляем в стороне).

В творческой практике Тютчева сосуществовали два типа реакции на политические и культурные события. Первый тип (наиболее свойственный другим поэтам) — это непосредственный отклик; второй — отзыв не на само событие, но на его резонанс: так сказать, отсроченный отклик. Вторым типом представлен, в частности, стихотворением «29-ое января 1837»²⁵; тождественный случай, на наш взгляд, — стихотворение «14-ое декабря 1825», которое скорее всего было написано во второй половине 1827 г., после возвращения из Парижа в Мюнхен. Стимулом к его созданию явилось знакомство с соответствующим пассажем в книге Ансело, хотя не исключено, что здесь сыграло свою роль и гипотетическое письмо, полученное в конце 1827 г. из России.

2

Для того чтобы приблизиться к адекватному пониманию интересующего нас текста, прежде всего необходимо суммировать все разрозненные данные о личных контактах Тютчева с декабристами. Их не так много.

По предположению Н. В. Королевой, через посредство своего домашнего наставника (и члена московской управы Союза благоденствия) С. Е. Раича, с которым он сохранил тесные отношения и в университетские годы, Тютчев был осведомлен о деятельности двух околodeкабристских кружков, последовательно возникших в Москве, — Общества громкого смеха (1815—1822) и Общества друзей (1822—1825)²⁶, но о степени его прикосновенности к этим кружкам ничего не известно. Родной и двоюродный братья поэта (Н. И. Тютчев и А. В. Шереметев) воспитывались в Муравьевском училище для колонновожатых, откуда, по подсчетам Н. Чулкова, вышло 20 членов тайного общества²⁷; однако только знакомство Тют-

чева с А. О. Корниловичем мы вправе считать установленным²⁸, а его контакты с П. И. Колошиным (участником «Священной артели») — весьма вероятными (1 февраля 1818 г. последний писал из Москвы Н. Н. Муравьеву-Карскому о том, что часто навещает Н. Н. Шереметеву²⁹).

В состав «Священной артели» входил и А. В. Шереметев, который, служа в Петербурге, в начале 1819 г. жил вместе с И. Г. Бурцовым³⁰; вскоре тот познакомился с семьей Шереметевых и не скрыл своих «отдаленных намерений» жениться на Анастасии Васильевне от ее матери³¹. Тютчев, конечно, был в курсе этой истории, закончившейся отказом Бурцова «оковать свободу девушки», отнюдь не расположенной выходить за него³², и, надо полагать, был знаком с несостоявшимся женихом. У Шереметевых же Тютчев мог встречать основателей «Священной артели» — М. Н. Муравьева (с 1818 г. женатого на Пелагее Васильевне, старшей дочери Надежды Николаевны) и его брата А. Н. Муравьева³³.

За время пребывания в столице накануне отъезда в Баварию (февраль—май 1822 г.) у Тютчева установились контакты с Я. Н. Толстым (см. выше) и, по всей вероятности, с А. А. Бестужевым (который, приехав в Москву в начале 1823 г., был принят в доме Тютчевых и встречался с Ранчем³⁴) и рядом других членов тайных обществ.

11 июня 1825 г. Тютчев приехал в отпуск после трехлетнего пребывания за границей. В Москве, где он находился до декабря, поэт не застал ни Ранча (который с весны 1825 г. до августа 1826 г. проживал в Херсонской губернии³⁵), ни многих знакомцев из числа тех, кто в скором времени окажется в той или иной степени замешанным в деле 14 декабря. В 1826 г. И. И. Завалишин доносил о подозрительных сходках у Н. И. Тютчева (отца поэта), на которых присутствовали А. В. Шереметев, И. Д. Якушкин, М. Н. Муравьев, С. Е. Ранч, А. А. Бестужев, П. И. Колошин и Д. И. Завалишин³⁶. У нас есть веские основания усомниться в достоверности этого сообщения, однако о двух лицах из приведенного списка следует сказать особо.

В начале (или середине) ноября 1825 г. в Москву из Петербурга приехал свойственник Тютчева Д. И. Завалишин (его мачеха была родной сестрой матери поэта Е. Л. Тютчевой, урожденной Толстой). Их знакомство состоялось в первой половине 1822 г. в Петербурге, когда они оба жили у А. И. Остермана-Толстого³⁷, а теперь Завалишин, поселившийся в доме Тютчевых, сразу объявил, что привез самый полный список «Горя от ума»³⁸. В позднейших мемуарных текстах Завалишина почти нет упоминаний о Тютчеве; лишь один эпизод составляет исключение. В конце ноября или начале декабря вспоминал Завалишин, между ним и находившимся тогда в Москве Остерманом-Толстым произошло объяснение. Послед-

ний выговаривал Завалишину за то, что он не спешил собираться в Казань, куда должен был ехать. Завалишин отвечал, что ему, может быть, придется возвращаться в Петербург. «Ну, все это хорошо, — сказал он [Остерман-Толстой], — только вот что я тебе скажу: в Петербург отпущу я одного Федора (Тютчева), он не опасен; да и тому, впрочем, велел я скорее убраться к своему месту в Мюнхене». Через некоторое время, продолжал Завалишин, приходит в дом московский генерал-губернатор Д. В. Голицын, который говорит Остерману: «Вообрази себе, что все прапорщики взбеленились и задумали скакать в Петербург. Что бы это значило? Я велел не выдавать без меня никому подорожной. Жаль только, что мне поздно сказали, а то кое-кто успел уже улизнуть в Петербург». На это последовала реплика Остермана: «Это значит, что прапорщикам поневоле приходится заниматься государственными делами, когда государственные люди занимаются прапорщичьими»³⁹.

Мемуары Завалишина не являются, конечно, сколько-нибудь надежным источником — они, как показал Ю. М. Лотман, ориентированы не на описание реальной незавидной судьбы автора, но на сотворение той «блистательной» жизни, «которую он мог бы прожить»⁴⁰. (Ощутим в них и налет вторичности — так, форсируемая в процитированном отрывке тема прапорщиков, берущихся за государственные дела, явно восходит к уже обнародованной в 1868 г. знаменитой фразе Грибоедова о ста прапорщиках, которые «хотят изменить весь государственный быт России»⁴¹; ср. утверждение мемуариста о том, что Грибоедов «сам искал знакомства» с ним в 1824 г. и после проникся к нему особой доверенностью⁴²). Стремление укрупнить масштаб собственной личности очень сказывается и в рассматриваемом фрагменте, поэтому у нас нет оснований полагать, что разговор Завалишина с Остерманом-Толстым имел место в действительности и что, следовательно, последний на самом деле «знал или подозревал о брожении умов в Петербурге» накануне 14 декабря и «был совершенно убежден в политической „неопасности“ Тютчева»⁴³. По-видимому, противопоставление двух родственников Остермана по признаку «опасный» — «неопасный» существовало только в сознании считавшего себя *опасным* Завалишина, но и это обстоятельство представляет несомненный интерес.

Самоочевидно, что за время совместного проживания с Тютчевым в ноябре 1825 г., Завалишин убедился в отсутствии у него радикальных воззрений. Однако и у Тютчева должно было сложиться определенное мнение о юном честолюбце, обуреваемом «самопожертвенной любовью к славе»⁴⁴. Не будем гадать, до какой степени — и насколько адекватно — Завалишин раскрылся перед чуть более старшим Тютчевым (в частности, изображал ли из себя ведущего деятеля тайного общества, как это делал позднее); во всяком случае показательно

то, что легендарно рассеянный поэт — спустя уже десятилетие — дал выразительную характеристику облика этого либералиста. В одном из мемуарных писем И. С. Гагарина А. Н. Бахметевой (от 15/27 ноября 1874 г.) есть следующий фрагмент: «Тютчев рассказывал мне в Мюнхене (дело происходило в 1833—1835 гг. — А. О.) о нескольких декабристах, с которыми был знаком; ни одного имени я не запомнил, помню только, что, говоря о мелочной заботливости, с какой один из них следил за опрятностью своей особы, Тютчев говорил: «он отличался реакционной опрятностью», желая тем самым сказать, что эта опрятность была протестом против неопрятности, его окружавшей»⁴⁵. Из круга лиц, которые могли быть упомянуты в данном контексте, именно Завалишин выделялся повышенным вниманием к своему внешнему виду⁴⁶, и это обстоятельство позволяет предложить иное толкование тютчевского высказывания. Как кажется, дело не в том, что опрятность Завалишина Тютчев расценивает как протест против общей неопрятности (т. е. как «реакцию» на нее); здесь можно усмотреть намек на резкий контраст между сверхреволюционными декларациями человека и его «мелочной заботливостью» о своем облике, которая сближает данную фигуру с противоположно ориентированным человеческим типом, ассоциировавшимся в либеральном сознании с асоциальностью, косностью, «реакционностью».

Другое лицо из «списка» И. И. Завалишина, которое привлекает к себе интерес — И. Д. Якушкин. Факт его знакомства с Тютчевым в самом начале 1820-х гг. представляется более чем вероятным (см. выше), вопрос же о том, встречались ли они во второй половине 1825 г. в Москве (или в подмосковной), сейчас не поддается разрешению и требует дополнительных разысканий. Позже Якушкин писал, что в 1824—1825 гг. безвыездно жил в своем имении Жуково (в Смоленской губернии) и лишь 8 декабря 1825 г. прибыл в Москву со всем семейством⁴⁷; если Тютчев в это время еще находился в старой столице, то они, конечно, увиделись. Как бы то ни было, Якушкин и Тютчев располагали сведениями друг о друге — связующим звеном между ними был А. В. Шереметев, близкий друг и родственник обоих; и как раз с лета до зимы 1825 г. он тесно общался с Тютчевым (они тогда жили вместе), а с декабря 1825 г. и до ареста Якушкина (около 10 января 1826 г.) — с последним^{47а}.

В декабре 1825 г. Тютчев поехал в Петербург. В свое время В. Я. Брюсов — без указания на источник — утверждал, что об отсутствии поэта в столице в день 14 декабря «достоверно известно»⁴⁸. По мнению Г. И. Чулкова, Брюсов в данном случае опирался на семейное предание, сообщенное ему Бертевым; сам Чулков, однако, гораздо большее значение придавал свидетельству Д. И. Завалишина, которое он интерпрети-

рвался в том смысле, что Тютчев отправился в столицу накануне восстания⁴⁹. Через несколько дней после восстания в Петербург прибыл М. П. Погодин, только что прошедший через цензуру альманаха «Уrania»: здесь своего университетского товарища, напуганного тем, что в его повести «Нищий» могут усмотреть сочувствие идеям бунтовщиков, ободрял Тютчев⁵⁰. Приехал же он в столицу не позднее 12 декабря 1825 г.; указание на этот счет, содержащееся в дневнике В. П. Шереметевой⁵¹, недавно обнаружила Т. Г. Динесман.

На рубеже 1825—1826 гг. Тютчев наслушался рассказов (и рассказней) о происшедшем событии; из хора, дружно осуждавшего мятежников (среди которых были его родственники и свойственники⁵²), Тютчев, по-видимому, запомнил резкий отзыв Карамзина (несомненно, известный ему в передаче Погодина⁵³, с которым он довольно тесно общался в эти дни). Вскоре, уже во второй половине января 1826 г., Тютчев отбыл в Мюнхен, где, конечно, подвергся расспросам коллег⁵⁴.

3

В композиционном отношении стихотворение «14-ое декабря 1825» членится на две равные части — «с переломом как раз после восьмого стиха»⁵⁵. В исследовательском и читательском сознании этот перелом связывается с коррекцией авторского отношения к декабристам: осуждение (первая строфа) сменяется медитацией, в которой находят даже сочувственные интонации (вторая строфа)⁵⁶.

Едва ли не наибольшую сложность для интерпретации представляет начальная строка стихотворения, определяющая тон целой строфы. Распространенная трактовка ее, согласно которой основную вину за выступление декабристов поэт возлагает на самодержавие⁵⁷, кажется явной натяжкой; тютчевское «Вас развратило Самовластье...» отнюдь не равнозначно суждению: «Вас спровоцировало на бунт самодержавие». У Тютчева здесь инвектива, а не констатация факта, и речь идет о некоем присущем декабризму пороке, который не может быть извиняем тем, что он перенят у политического противника.

Этот политический противник — не самодержавие как таковое, но «самовластье», т. е. деспотизм. И если в середине XVIII в. Монтескье отмечал «усердие», с каким «старается московское правительство освободиться от деспотизма»⁵⁸, то через 70—80 лет среди русских читателей Монтескье нашлось немало людей, полагавших, что в отечественных верхах победила противоположная тенденция, которой необходимо было противодействовать самым решительным образом.

Деспотическое правление так же не импонировало Тютчеву, как и насильственный способ его свержения. Н. В. Королева удачно сопоставила тютчевское стихотворение «К оде Пуш-

кина на Вольность» (1820) с поэтическим циклом Ранча 1823—1824 г., оставшимся в его записной книжке. Тютчев, призывавший Пушкина «вещать тиранам закоснелым Святые истины», но одновременно «не смущать покою» «граждан» и «под царскую парчою» «смягчать» «сердца», исходил из тех же представлений, что и Ранч, описывавший ситуацию, при которой цари, забывшие «и сан, И долг, и жребий свой высокий», проявляют безжалостность «к народам вверенных им стран»:

Тогда им горе: царь царей
На них воздвигнет гнев свой ярый,
И нет царей, нет их детей,
Все стали жертвой вечной кары⁵⁹.

Идея о том, что судьба тиранов (и тирании) не подлежит компетенции смертных, а должна решаться высшим судьей, обосновывалась немецкой школой государственного права, имевшей весомый авторитет (и уж Тютчеву хорошо известной). Ср. в этой связи дневниковую запись Ал. И. Тургенева, который в 1808 г. был студентом Геттингенского университета: «В публичной своей лекции окончил сегодня Шлецер одну из интереснейших и важнейших материй: *das allgemeine Staatsrecht*. (...) После того, как он предписывал права и обязанности как государю, так и подданным; после того, как он допускал самые бунты, в случае, если тиранство обнаружится, позволяя даже народу наказывать за вину — казнить своего государя; после всего этого, основываясь на практической мудрости, следуя везде за историей, успокоил он кротких из своих слушателей, сказав, что хотя страждущие от тиранства подданные имеют право на революции и право ссадить своего тирана, но действие сие сопряжено всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока Провидение само захочет освободить народ от железного скипетра. Сколь далеко не простирается история, везде почти показывает она, что хотя мятежи кой-когда и удавались, везде приносили они с собой больше пагубы и бедствий для народа, нежели сколько бы он претерпел, снося тиранские действия»⁶⁰.

В дневнике Погодина, относящемся к лету 1825 г., зафиксированы едкие высказывания Тютчева по поводу существующих порядков («В России канцелярия и казармы. Все движется около кнута и чина»⁶¹), однако есть все основания полагать, что к середине 1820-х гг. его мировоззрение не претерпело существенных изменений сравнительно с тем временем, когда он отбыл из России⁶². Вскоре по приезде в Мюнхен Тютчев познакомился с П. Б. Козловским, которого (в письме ему от 16/28 декабря 1824 г.) называл «любимым учителем»⁶³; свою точку зрения по данному вопросу последний изложил в беседе с мадам де Сталь 6/18 февраля 1817 г. «Г-жа де Сталь захотела поставить кн. Козловского свидетелем в очень остром воп-

росса имеет или не имеет народ права на сопротивление власти? (...) Призывая Козловского в свидетели, г-жа де Сталь сказала ему: „Вы не русский, милый князь, вы — европеец; да и вообще, когда люди находятся на известной высоте, то в больших вопросах они понимают друг друга во всех странах и думают одинаково”. Я взял на себя смелость протестовать против истины этого утверждения и настаивал, что, наоборот, в отношении статьи о противлении и непротивлении нет ничего обязательного, что все зависит от местных условий — и по существу, и во взглядах. „Если бы я был англичанином, — сказал я, — я был не считал, что мой христианский долг обязывает меня смотреть на высшую власть как на дарованную от бога; но будучи русским или австрийцем, я думаю иначе и верю, как в символ веры, что ни в коем случае не должен сопротивляться даже притеснениям власти”»⁶⁴.

По мнению мадам де Сталь, ее оппонент придерживался «турецких принципов»⁶⁵; как раз с этим определением Козловский был согласен. Спустя примерно десятилетие (в середине 1820-х гг.) он написал введение к незавершенному (возможно, и не начатому) «Опыту истории России», где утверждал: «... в России независимости не больше, чем в Турции; здесь возможны лишь абсолютное подчинение и рабская угодливость, либо преступное возмущение...» На взгляд Козловского, ситуация, предусматривающая столь жесткую альтернативу, сложилась ввиду совершенного отсутствия в стране «общественного мнения» и его потенциальных носителей — привилегированной (в европейском смысле) аристократии и «класса людей независимых» (ученых, писателей, врачей и т. п., чей социальный статус обеспечен исключительно профессиональным достоинством)⁶⁶. Такое же положение вещей — немислимое в цивилизованных странах — в 1830 г. констатировал Вяземский: «Народ (имеется в виду, конечно, „политически ответственная часть общества”⁶⁷. — А. О.) омерз и спал с голоса (...) права сопровержения и законного сопротивления ослабли до ничтожества»⁶⁸.

Политическое невежество образованных слоев в сочетании с угнетенным состоянием социальных низов беспокоило и членов тайного общества. «Россия к быстрому перевороту не готова, — полагал В. И. Штейнгейль, — (...) у нас и в самых городах нет настоящего гражданства (...) внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям...»⁶⁹ В русских условиях, говорил Штейнгейль Рылееву накануне восстания, «революция в республиканском духе еще невозможна; она повлекла бы за собою ужасы». Добиться политических свобод — и при этом избежать новой пугачевщины — можно было, по его мнению, лишь путем «революции дворянской»⁷⁰.

Здесь уместно напомнить об эпизоде, который произошел за

четыре с лишним года до восстания — летом 1821 г. еще и пору пребывания Тютчева в Москве. «Когда Чаадаев приехал в Москву, — вспоминал Якушкин, — я предложил ему вступить в наше Общество; он на это согласился, но сказал мне, что напрасно я не принял его прежде, тогда он не вышел бы в отставку и постарался бы попасть в адъютанты к великому князю Николаю Павловичу, который, очень может быть, покровительствовал бы под рукой Тайное общество, если бы ему внушить, что это Общество может быть для него опорой в случае восшествия на престол старшего брата»⁷¹. До Тютчева, который — в общих чертах — знал о существовании тайного общества (не только от Завалишина, но, вероятно, и от Шереметева) и регулярно контактировал с лицами, ему причастными, вполне могли дойти отголоски чаадаевского суждения, устанавливавшего потенциальную связь между революционным заговором и внутрдинастическим соперничеством. (На рубеже 1825—1826 гг., сразу после того, как восставшие выступили против младшего брата, убедив солдат остаться верными присяге старшему Павловичу, этот давний толк, наверное, всплывал в памяти посвященных.)

Большинство членов тайного общества не поддержали идею преторианского переворота (при том, что опыт заговорщиков 1801 г. вызывал у них явный интерес⁷²); впоследствии С. П. Трубецкой, указав, что ее реализация не составила бы труда для «нескольких полковых командиров», специально оговорил: «Благодаря Промыслу, ныне просвещение распространено понятие, что подобные дворцовые перевороты ни к чему доброму не ведут»⁷³. Не вняли собравшиеся у Рылеева и опасениям Штейнгейля относительно того, что мятеж выйдет из-под контроля руководителей; реальная угроза виделась лишь в «беспорядочном бунте» войска, но «тайное общество взяло на себя обратить его к лучшей цели», имея в виду «введение нового порядка в государственном устройстве»⁷⁴.

Однако правомерность и такого рода революции вызвала сомнение среди членов тайного общества. За несколько месяцев до 14 декабря Е. П. Оболенский мучился вопросом: «имеем ли мы право как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путем исторического развития?» В ходе дальнейших размышлений Оболенский пришел к выводу, что «государственное устройство есть выражение или осуществление идей свободы, истины и правды, но форма государственного устройства зависит не от теоретического воззрения, а от исторического развития народа, глубоко лежащего в общем созна-

нии, в общем народном сочувствии»⁷⁵. В 1855 г. Оболенский рассказывал Е. И. Якушкину о своих колебаниях тридцатилетней давности: «...хоть мы и убеждены, что стремимся к добру, но вправе ли мы насильно навязывать это добро народу <...> Ежели бы мы были выборные от народа — это было бы другое дело, но народ нас ни на что не уполномочил»⁷⁶.

С почти аналогичной позиции критиковал намерения будущих декабристов молодой А. С. Хомяков, в 1823—1825 гг. служивший в гвардии в Петербурге и попавший в самую накаленную в политическом отношении среду. По воспоминанию сослуживца Хомякова, «Рылеев являлся в этом обществе оракулом. <...> Тема была одна — необходимость конституции и переворота посредством войска. <...> Посреди этих людей нередко являлся молодой офицер необыкновенно живого ума. Он никак не хотел согласиться с мнениями, господствовавшими в этом обществе, и постоянно твердил, что из всех революций самая беззаконная есть революция военная. Однажды, поздним осенним вечером, по этому предмету у него был жаркий спор с Рылеевым. Смысл слов молодого офицера был таков: „Вы хотите военной революции. Но что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружил на свой счет и которым он поручил защищать себя. Какая же тут будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, станут распоряжаться народом и сделаются выше его?“ <...> Кн. Одоевскому этот противник революции надоедал, уверяя его, что он вовсе не либерал и только хочет заменить единодержавие тиранией вооруженного меньшинства»⁷⁷.

Исходя из всего сказанного, трудно представить, чтобы Тютчев не считался с возможностью успешного выступления членов тайного общества — и, соответственно, с реальной перспективой смены государя либо же установления режима военной олигархии. (Как помним, «беспристрастные свидетели», мнения которых передавал Ансело, более опасались второго варианта⁷⁸.) В обоих случаях налицо был бы акт узурпации (политических свобод или власти), не только аналогичный тем, какие отличают деспотическое правление, но и прямо заимствованный из арсенала его средств. На наш взгляд, именно такое отношение к военной революции — неизбежно ущемляющей суверенитет народа — выражено в строках 1 и 5—6 тютчевского стихотворения.

Для адекватного истолкования строк 2—3 следует учесть то обстоятельство, что в сознании многих современников Тютчева одно и то же лицо могло представлять и в качестве «самовластного» деспота, и в качестве легитимного монарха, передающего этот статус своему наследнику. Николай I, как известно, приложил немалые усилия к тому, чтобы последование его «друзей по 14 декабря» выглядело бы не личной мстью, но чисто юридической процедурой. Лишнее свидетельство этому

находим в дневнике московского цензора И. М. Свегирева (запись от января 1826 г.): «... рассказывают, что Десперадович проклял своего сына, бывшего в заговоре, сам привез его к государю и сказал: „Государь, я привез к Вам преступного и проклятого мной сына“. Император отвечал: „Напрасно Вы связали свою душу; разрешите от клятвы своего сына: он преступник против закона — закон будет и судить его“»⁷⁹. Тютчев, по-видимому, и в эти годы придавал правовой основе любой акции столь же серьезное значение, как и десятилетием спустя, когда обсуждал с И. С. Гагариным исторические последствия Июльской революции во Франции. 14/26 ноября 1874 г. Гагарин писал Аксакову: «... люди, примкнувшие к революции или к порядку вещей, основанному на ней, признаются, что гораздо лучше было бы не нарушать права престолонаследия; они извиняют Луи-Филиппа тем, что иначе поступить было невозможно; если бы он захотел удовольствоваться регентством, Франция уже тогда имела бы или республику, или империю (Наполеон II был тогда жив), но они не оспаривают, что было нарушение права, дело незаконное, и этому незаконному началу приписывают ту слабость, которая не позволила Орлеанской династии остаться на троне. <...> Сколько мне помнится, Тютчев стоял на такой же точке зрения»⁸⁰.

Инвектива декабристам, содержащаяся в первой строфе, сменяется не сочувственной, но глубоко скептической оценкой их предприятия. С. Н. Дурылин, впервые высказавший это изображение в статье о Вяземском⁸¹, чуть ниже привел его письмо Пушкину от 28 августа 1825 г.; «этот типичный ответ человека, потерявшего даже и скудную веру в возможность политического обновления России»⁸², обнаруживает отчетливое сходство со второй строфой стихотворения «14-ое декабря 1825». «Чего тебе не достает, — писал Вяземский. — Я знаю чего, но покорись же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но вообще европейским. <...> Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое дело, вот и всё! <...> Оппозиция — у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях <...> Она не в чести у народа»⁸³.

В стихотворении «14-ое декабря 1825» исторический пессимизм молодого Тютчева достиг своего крайнего выражения. «... Политические формы сами по себе мертвы, — так резюмировал Г. И. Чулков основную мысль этого стихотворения; — они оживают и приобретают значительность в зависимости от их религиозно-культурного содержания; монархия может быть так же безжизна, как и революция; политика сама в себе не заключает положительного критерия»⁸⁴. Понадобилось

несколько лет для того, чтобы провиденциальный характер русской истории был осмыслен Тютчевым в русле идеи славянского единства⁸⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначально строки 7—8 читались: «И память ваша для потомства, Земле, живая, предана». См. факсимиле автографа в кн.: Уранья: Тютчевский альманах, 1803—1928. Л., 1928 (между с. 72 и 73).

² *Символ*. Париж, 1984. № 11. С. 219. (Публикация Л. Шура.)

³ *Русский архив*. 1881 № 3. С. 340. См. также: Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Спб., 1913. С. 405.

⁴ Тютчев Ф. И. 1) Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 82, 337; 2) Лирика. М., 1966. Т. 2. С. 58, 342; 3) Соч. М., 1988. Т. 1. С. 49, 303—304; 4) Соч. М., 1984. Т. 1. С. 263, 455; 5) Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 72—73, 373. См. также: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 44 (далее: Пигарев). — Напомним, что первые сообщения об итогах процесса над декабристами появились в русской печати 15 июля 1826 г.

⁵ См.: Чулков Г. И. 1) Стихотворение Тютчева «14-ое декабря 1825» // Уранья... Л., 1928. С. 73 (далее: Чулков); 2) Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1933. С. 24; Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 133, 307. В своей последней работе о Тютчеве Чулков датировал это стихотворение 1827 г. (см.: Чулков Г. И. Ф. И. Тютчев. Биографический очерк // Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1935. С. 44).

⁶ См.: Тютчев Ф. И. 1) Соч. М., 1980. Т. 1. С. 304; 2) Соч. М., 1984. Т. 1. С. 455; 3) Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 373.

⁷ *Русский архив*. 1896. № 10. С. 166. (Личность рассказчика была установлена Бартевым: Там же. С. 168.)

⁸ Примечание Бартева даже не отмечено в кн.: Ф. И. Тютчев: Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности, 1818—1973. М., 1978.

⁹ Чулков. С. 70. Примеч. 1. Вопрос о степени достоверности самого эпизода нас сейчас интересовать не может. Отметим лишь, что декларирующемуся до сих пор выводу о повсеместном «исключительно теплом и отзывчивом отношении» простого народа к декабристам (Гессен С. Декабристы перед судом истории. Л.; М., 1926. С. 48) противоречит целый ряд авторитетных показаний. Ср. также указание на доклад Ю. М. Соколова (прочтенный 1 марта 1926 г. и, кажется, нигде не напечатанный), в котором был обобщен обширный фольклорный материал, свидетельствующий о том, что «по крайней мере (...) в северных губерниях (...) враждебность к мятежникам и доверие к царю были фактами бесспорными» (Чулков. С. 70. Примеч. 1).

¹⁰ Приведем в этой связи любопытный фрагмент из мемуаров Якушкина, дающий некоторое представление о семейном быте Тютчевых: «Когда я жил в Москве, теща моя Н. Н. Шереметева требовала от меня, чтобы я каждое воскресенье обедал у ее брата И. Н. Тютчева, отца Ф. И. Тютчева и Д(арья) И(вановны), вышедшей за Сушкова. За этими обедами я проводил самые скучные минуты моей жизни (...) Когда в воскресенье (в Алексеевском равелине. — А. О.) солдат приносил мне крепостных шей, я всегда вспоминал с удовольствием, что не пойду обедать к Тютчевым» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 77; далее: Якушкин).

¹¹ См.: Якушкин Н. В. Несостоявшаяся поездка А. В. Якушкиной в Сибирь // Новый мир. 1964. № 12. С. 154.

¹² См.: Якушкин. С. 94, 580; Якушкин Н. В. Указ. соч. С. 154; Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов. М., 1976. С. 46.

¹³ См. в этой связи: *Пушачев В. В.* Из эволюции мировоззрения Пушкина конца 1820-х — начала 1830-х гг. // *Проблемы истории, языковедческой русской и мировой культуры.* Саратов, 1983. С. 47 и след.

¹⁴ *А. С. Пушкин* в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 416.

¹⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. [М.; Л.], 1937. Т. 13. С. 359.

¹⁶ Жуковский был в Париже в мае—июне 1827 г. (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 470—484). О том, что Тютчев в это время тоже находился во французской столице, свидетельствует его визитная карточка (с парижским адресом), на обороте которой — записка, адресованная Жуковскому (см.: *Пигарев.* С. 56. Примеч. 28). Скрытое указание на эту поездку содержится в письме Н. М. Рожалина А. П. Елагинной от 9 мая 1830 г. (из Мюнхена): «Иван Васильевич [Киреевский] все страдал нас скорым отъездом; но Соболевский и Тютчев представили ему, что в Париже летом делать нечего...» (*Русский архив.* 1909. № 8. С. 596). Тютчев несомненно имел в виду свои парижские каникулы 1827 г., так как до той поры он в Париже не бывал (см.: *Пигарев.* С. 56, со ссылкой на неопубликованный мемуар К. Пфеффеля), в 1828 г. находился там оселью (см. письмо Шеллинга В. Кузену от 27 ноября 1828 г. // *Aus Schellings Leben in Briefen.* Leipzig, 1870. Bd. 3. S. 39), а лето 1829 г. провел в Италии (см.: *Осипов А. Л.* К литературным отношениям Пушкина и С. П. Шевырева // *Проблемы пушкиноведения.* Рига, 1983. С. 64).

¹⁷ См.: *Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу.* Лейпциг, 1872. С. 28—29, 38—39. А. И. Тургенев познакомился с Тютчевым через пять лет в Мюнхене — 30 июля 1832 г. (см.: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 11. Л. 82об.).

¹⁸ *Ancelot J.-F.* Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826... P., 1827. Выход этой книги отмечен в «Bibliographie de la France» от 11 апреля 1827 г.

¹⁹ Этот факт устанавливается на основании письма Я. Н. Толстого П. А. Вяземскому от 24 августа / 5 сентября 1853 г. из Парижа (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2863. Л. 33 об.).

²⁰ *Six mois suffisen-ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot <...> P., 1827.* Дата выхода брошюры устанавливается по сопоставлению с появившимся в конце августа 1827 г. откликом П. А. Вяземского (*Московский телеграф.* 1827. Ч. 16. № 14. Отд. 2. С. 153—170). В русской прессе книга Ансело получила в основном негативные оценки (см. подробнее: *Модзалевский Б. Л.* Я. Н. Толстой (биографический очерк) // *Русская старина.* 1899. № 10. С. 175—177; *Корбе Ш.* Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в. // *Международные связи русской литературы.* М.: Л., 1963. С. 213—215; *Гилдельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 155—156).

²¹ *Ancelot J.-F.* Op. cit. P. 171.

²² *Ibid.* P. 171—172.

²³ *Ibid.* P. 178.

²⁴ *Ibid.* P. 181. В книге Ансело содержался также рассказ о казни декабристов, записанный, как полагает современный исследователь, со слов Николая I (см.: *Неведев Г. А.* «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 84, 88, 180—181). Ансело, примыкавший к свите маршала Мармона, которая прибыла в Россию на коронационные торжества, имел доступ и в правительственные, и в светские, и в литературные круги.

²⁵ См.: *Осипов А. Л.* Две реплики Тютчева по поводу смерти Пушкина // *Пушкин и русская литература.* Рига, 1985. С. 98—101.

²⁶ См.: *Королева Н. В.* Тютчев и Пушкин // *Пушкин: Исследования и материалы.* М.; Л., 1962. Т. 4. С. 193—197.

²⁷ См.: *Чудков Н.* Москва и декабристы // *Декабристы и их время.* М., 1932. Т. 2. С. 295.

²⁸ См.: *Осипов А. Л.* Из материалов для биографии Тютчева // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 4. С. 351.

³⁷ См.: Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву Карскому. М., 1975. С. 125.

³⁸ Там же. С. 152 (письмо И. Г. Бурцова от 21 февраля 1819 г.).

³⁹ Там же. С. 187 (письмо И. Г. Бурцова от 18 февраля 1822 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ У Н. Н. Шереметевой в 1817—1818 гг. воспитывалась их сестра — С. П. Муравьева.

⁴² См.: Бестужев А. А. Записка о поездке в Москву в 1823 г. // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1. С. 55—56. (Публикация Н. В. Измайлова.)

⁴³ См.: Ранч С. Е. Автобиография // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 28—29. (Публикация Б. Л. Модзалевского.) Ранч, впрочем, знал о приезде своего ученика и в письме Д. П. Ознобишину от 19 октября 1825 г. рекомендовал ему познакомиться с Тютчевым (см.: Васильев М. Из переписки литераторов 20—30-х гг. XIX века // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3/4. С. 174).

⁴⁴ См.: Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе Благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 6. Примеч. 4.

⁴⁵ Завалишин Д. И. Воспоминания о Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 132.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Завалишин Д. И. Записки декабриста. Изд. 2-е. Спб., 1910. С. 174—175.

⁴⁸ Лотман Ю. М. О Хлестакове // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 369. С. 24.

⁴⁹ См.: Смирнов Д. А. Биографические известия о Грибоедове // Беседы в Об-ве любителей рос. словесности при Моск. ун-те. М., 1868. Вып. 2. С. 20.

⁵⁰ Завалишин Д. И. Воспоминания о Грибоедове. С. 129 и след.

⁵¹ Пигарев. С. 68.

⁵² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 29.

⁵³ Лит. наследство. М., 1990. Т. 97. Кн. 2. (Подлинник по-французски.)

⁵⁴ Ср. его автохарактеристику (Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 363), за указание благодарю А. А. Ильина-Томича.

⁵⁵ См.: Якушкин. С. 55. Впрочем, поскольку Якушкин не всегда точен в хронологии (так, например, он датировал свою последнюю встречу с женой 11—12-м ноября 1827 г., а между тем она состоялась почти на месяц раньше — см. выше, а также примеч. 12), нет уверенности, что он действительно прибыл в Москву 8 декабря; смещения могут быть и в ту и в другую сторону.

⁵⁶ Согласно семейному преданию, изложенному в мемуарах Е. И. Якушкина, в середине декабря 1825 г. его отец предложил А. В. Шереметеву поднять восстание в войсках, стоявших в Москве. «Дядя мой испугался и скрылся, — сообщает Е. И. Якушкин, — так что он не видел моего отца до самого его ареста...» (цит. по: Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 133).

⁵⁷ Брюсов В. Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни // Русский архив. 1903. № 11. С. 490.

⁵⁸ См.: Чулков. С. 69.

⁵⁹ См.: Погодин М. П. В память о Павле Александровиче Муханове // Русская старина. 1872. № 2. С. 337. Примеч. **; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1888. Кн. 1. С. 329. Сам Погодин отправился в столицу 17 декабря (Там же. Кн. 1. С. 327). В дороге «услышали о возмущении, в котором убит генерал-губернатор Милорадович и еще несколько генералов». Ого — и ехать страшно. Приехали в Новгород» (дневниковая запись от 20 декабря: РО ГБЛ. Ф. 231/1. З1. 1. Л. 131 об.) Из Новгорода, где все проежающие в Петербург были задержаны, Погодин двинулся 22 декабря и через день прибыл в столицу (см.: Там же; Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии / С примеч. и объясн. М. Погодина. М., 1866. Ч. 2. С. 469).

⁵¹ См.: *Дневник* В. П. Шереметевой, урожденной Алмазовой, 1825—1826 гг. М., 1916. С. 121, 133.

⁵² Дальним родственником Тютчева был и В. П. Ивашев, но они никогда не встречались. По словам поэта, в 1830 г. он принимал «некоторое участие» в истории отъезда в Сибирь невесты Ивашева — К. Леданту (*Старина и новизна*. СПб., 1914. Кн. 18. С. 2. Из письма Э. Ф. Тютчевой от 27 сентября 1840 г.; подлинник по-французски). См. в этой связи: *Буланова О. К. Роман декабриста: Декабрист В. П. Ивашев и его семья*. 3-е изд. М., 1933. С. 173.

⁵³ Погодин был принят Карамзиным 26 декабря 1825 г. (см. об этом визите: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. 1. С. 329—331; *Н. М. Карамзин* по его сочинениям... Ч. 2. С. 469—471).

⁵⁴ Как любезно сообщено автору редакцией «Литературного наследства», в тютчевском томе этого издания (Т. 97. Кн. 2) публикуется статья А. Гласе «Тютчев о восстании декабристов», где приводится запись краткого рассказа поэта о тайном обществе, сделанная в начале февраля 1826 г. в Мюнхене. Сам рассказ в целом восходит к версии Д. И. Завалишина. Нелишне отметить, что в конце декабря 1825 — начале января 1826 г. частым собеседником Погодина (и, возможно, Тютчева) был «поручик лейб-гвардии Егерского полка Иаков Иванович Ростовцев», который «рассказывал <...> о последних событиях, о своих действиях, об известном письме своем к государю» (*Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. 1. С. 328).

⁵⁵ *Чулков*. С. 63.

⁵⁶ Характерно восприятие Л. Н. Толстого, которому это стихотворение «не понравилось <...> первой и второй строфой (т. е. первой строфой; в современных Толстому изданиях текст печатался с разбивкой на четыре катрена. — А. О.)» (*Гусев Н. Н.* Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 105). Наличие первой строфы иногда просто игнорируется, как это сделано современным автором, тезис которого — «Тютчев выступает по отношению к декабристам как просветитель, а по отношению к монархии — как романтик...» — подкреплен цитатами исключительно из второй строфы (см.: *История романтизма в русской литературе... (1825—1840)*. М., 1979. С. 96—97).

⁵⁷ *Пигарев*. С. 44; ср.: *Чулков*. С. 71—72. См. также новейшую работу: *Фризман Я.* Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 34 («Таким образом на самовластию лежит ответственность за осуждаемые Тютчевым действия восставших»).

⁵⁸ *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 212 («О духе законов». Кн. V. Гл. XIV).

⁵⁹ *Королева Н. В.* Указ. соч. С. 200.

⁶⁰ *Архив братьев Тургеневых*. СПб., 1911. Вып. 2. С. 240.

⁶¹ *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. 1. С. 310.

⁶² См.: *Пигарев*. С. 43 и след.; *Королева Н. В.* Указ. соч. С. 193—202.

⁶³ *Lane R. C.* An unpublished letter of F. I. Tyutchev to Prince P. V. Kotslovsky // *New Zealand Slavonic Journal*. 1982. № 2. P. 21.

⁶⁴ *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // *Лит. наследство*. М., 1939. Т. 33/34. С. 310—311. (Из дознания Козловского И. А. Каподистрии от 7/19 августа 1818 г.)

⁶⁵ Там же. С. 311.

⁶⁶ См. в наст. сборнике публикацию В. А. Мильчиной и автора этих строк «Из наследия П. Б. Козловского».

⁶⁷ *Тоддес Е. А.* О мировоззрении П. А. Вяземского после 1825 года // *Пушкинский сборник*. Рига, 1974. Вып. 2. С. 160.

⁶⁸ *Вяземский П. А.* Записные книжки. (1813—1848). М., 1963. С. 203.

⁶⁹ *Восстание декабристов: Документы*. М., 1976. Т. 14. С. 167.

⁷⁰ *Штейнгейль В. И.* Соч. и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 151; ср.: Там же. С. 133.

⁷¹ *Якушкин*. С. 46. О дате приема Чаадаева в тайное общество см.: *Шаховской Д. М.* Якушкин и Чаадаев // *Декабристы и их время*. М., 1932. Т. 2. С. 169—170.

⁷³ См. Эйдельман Н. Я. Из предьстории декабризма // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 23—29.

⁷⁴ Трубецкой С. П. Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 285.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Оболенский Е. П. Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 86—87.

⁷⁷ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 37.

⁷⁸ Цит. по: Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 11. Примеч. 1.

⁷⁹ Одним из информантов Ансело был Н. И. Греч, который в своих позднейших мемуарах развивал версию о заговоре, составленном «мечтателями» и «сумасбродами» (см.: Греч Н. И. Записки. М.; Л., 1930: С. 428—435).

⁸⁰ Русский библиофил. 1912. № 4. С. 55. Цит. с исправлениями по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 361. № 64. Л. 34 об.

⁸¹ Символ. 1984. № 11. С. 217—218.

⁸² Кутанов Николай (Дурылин С. Н.). Декабрист без декабря // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 241.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 221—222.

⁸⁵ Чулков. С. 78.

⁸⁶ См.: Осповат А. Л. Пушкин, Тютчев и Польское восстание 1830—1831 гг. // Пушкинские чтения в Тарту. Таллинн, 1987. С. 49—52.